

Рассмотрены проблемы отечественного вузовского образования, основными среди которых являются тотальная нищета, бумажная паранойя, деградация и умирание преподавательских кадров, падение уровня выпускников вузов, раздутый управленческий аппарат. Сформулированы предложения по выходу из кризиса.

Ключевые слова: высшее образование, самоуправление, чиновники, недофинансирование, выпускники.

Разорение высшего образования в России — это мина, заложенная под ее будущее. Поэтому некоторые представители отечественной науки и образования не один год пытаются донести свою тревогу и до властей, и до всех тех, кто готов их услышать. Однако эти выступления остаются почти неизвестными даже в университетской среде. Хотелось бы привлечь внимание к ряду таких материалов, добавив лишь некоторые свои соображения.

Наиболее емко основные проблемы вузовского образования сформулированы в [1]: тотальная нищета; бумажная паранойя и канцелярская шизофрения; патологическая ложь — псевдология и мифомания; девальвация знания; душевное нездоровье.

Тотальная нищета

Пожалуй, наиболее вопиющая из проблем — нищета преподавателей и недофинансирование науки (см. в частности [2]). Есть ли в мире еще страна, в которой оклад преподавателя вуза был бы ниже зарплаты кондуктора? При этом даже публикуемые средние значения зарплат преподавателей являются не показательными. Лукавство «средних» цифр состоит в том, что с окладами реальных преподавателей смешиваются высоченные оклады ректоров, проректоров и т. д.

Решения Правительства о повышении окладов преподавателям всячески саботируются, существенную роль здесь играют всевозможные «надбавки», которые можно в любой момент отнять. Есть еще один путь манипуляции — это перевод преподавателей на неполную ставку. В некоторых организациях это доведено до абсурда — преподавателей переводят на 0,1 ставки [2].

Основная причина нищенского положения вузов — сокращение расходов на образование. Согласно исследованию РБК за 2014 г., расходы консолидированного бюджета России на высшее образование в 2013 г. были 661 млрд. руб., когда в 2019 г. планируется потратить 458 млрд. руб. без учета инфляции. Ну а вторая причина — непомерная жадность орды чиновников.

Есть мнение, что нельзя помочь образованию из-за значительных затрат на военный бюджет. При этом в журнале «Военное обозрение» опубликована статья [3], в которой затрагивается ситуация с подготовкой кадров для оборонных предприятий: «Завтра, а тем более, послезавтра нам будут нужны кадры, которые смогут хотя бы нас заменить. А по идее — пойти даль-

ше нас. Но система убийства мозгов сделала свое дело. «Жертвы ЕГЭ» нас не заменят. Не придумают, не разработают, не построят, не отладят... Вот и получается, что самая-самая главная военная тайна России — это сколько у нас осталось умных людей. И сколько их может быть в перспективе.»

Иначе говоря, убивая образование, мы и оборону губим.

О гиперрегулировании

Вторая проблема [1] — «бумажная паранойя и канцелярская шизофрения». Об этом достаточно много написано — и про «саморазмножение» чиновников, и про их стремление занять себя и окружающих работой, не имеющей отношения к преподаванию.

Обратим внимание на другой аспект этой проблемы — «зуд реорганизации» и гиперрегулирование деятельности ВУЗов [4]. В последние годы все институты превратились в университеты, а факультеты — в институты. При этом значительно увеличился управленческий аппарат. Даже в небольших вузах появляется до девяти проректоров, часть из которых и не бывает в вузе. Но есть и другая сторона таких «инноваций». Это — ликвидация остатков институтского самоуправления.

Часто можно услышать, что проводимая в стране модернизация системы образования осуществляется в соответствии с идеологией либерализма. Но вот что об этом сказано в [5]: «Если взглянуть непредвзято на суть мероприятий по «модернизации российского образования», то придется признать, что в стране проводится скорее антилиберальная образовательная политика. Либерализм предполагает свободу и ответственность, разнообразие и доверие, расширение возможностей. Разве можно назвать либеральными такие действия, как введение жестких регламентов и предельно формализованных федеральных образовательных стандартов с унифицированными формами основных образовательных программ и учебными планами, скукоживание университетской автономии при невероятном росте бюрократической отчетности и контроля?».

Деградация и умирание преподавательских кадров

Еще одна проблема, тесно связанная с предыдущими, — деградация преподавательских кадров. Ясно, что при нищенских зарплатах и утере самостоятельности, при чиновничьем гнете падает престиж профессии, и происходит «отрицательный естественный отбор».

Я интересуюсь будущим, потому что собираюсь провести в нем всю свою оставшуюся жизнь.

Чарльз Ф. Кеттерлинг

В большинстве вузов явно прослеживается «возрастная яма» — есть некоторое количество молодежи, почти нет людей 35...50 лет, основная часть преподавателей — предпенсионного и пенсионного возраста. Наиболее инициативные уходят в промышленность и бизнес. Остаются «старики» и те, кто готов терпеть «свинцовые мерзости» бюрократии. А о появлении людей уровня наших учителей речи давно не идет.

Стоит отметить, что в послевоенные годы — да и позже — существенную роль в повышении вузовского уровня и увеличении связи институтов с производством играли преподаватели-совместители. И сейчас многие из них — на остатках энтузиазма — продолжают преподавать, принося в вузы знания «с переднего края» науки и техники. Но современная система образования всячески затрудняет работу совместителей, выдавливая их разными способами. Для нее они — «нежелательные персоны», так как куда более независимы, чем «подневольные» преподаватели из «основного состава».

Падение уровня выпускников вузов

Это основная проблема, и она завязана на все прочее. Конечно, необходимо учитывать, что по сравнению с временами СССР численность студентов возросла в разы, что не могло не понизить средний уровень контингента. (В 1960-е годы число студентов в РСФСР достигло 1,5 млн. человек, сейчас студентов > 5 млн.). Сказываются и общие проблемы, такие как обилие «дипломостроительных» вузов крайне низкого уровня, плохая увязка выпускающих специальностей с реальными потребностями промышленности, практическое отсутствие связей с мировым университетским и научным сообществом.

Слабая связь преподавателей с промышленностью и современной наукой приводит к тому, что новейшие достижения и тенденции многим из них попросту неизвестны (или знакомы понаслышке). Чему они могут научить специалистов будущего?

Помимо причин общего характера, есть еще одна — снижение контроля качества обучения со стороны преподавателей. Отчислить студента, не приняв в магистратуру — дело подчас безнадежное, так как с каждым студентом в университет приходят деньги и нагрузка. Поэтому сократить количество студентов — значит ударить по коллегам и кафедре в целом.

Анализируя источники вузовских проблем, не стоит грезить о «золотом веке» советского высшего образования. Оно было совсем не идеальным, и к тому же тесно связанным с безвозвратно ушедшим временем, общественной системой. Нужны новые идеи, обращенные в будущее. Однако при этом надо сказать, что без вложения средств и ослабления чиновничьего

пресса не решить ни одну из этих проблем — никакие новые идеи ситуацию не переломят.

Кто виноват?

Виновата прежде всего сложившаяся система «чиновничьей вертикали», при которой главной фигурой перестает быть преподаватель. Виновата концепция устройства образования по образцу армии или завода. В высшей школе бесполезно вводить единообразие, унифицировать требования, диктовать методы. Это превращается в пустышку, заставляя имитировать деятельность, отвлекая от творчества.

Виновато государство с его сегодняшней системой приоритетов, в которой наука и образование очутились где-то на задворках. Ну и наконец — виновата пассивность самих преподавателей, опустивших руки и боящихся повысить голос

С чего начать?

Положение в высшем образовании тесно связано с ситуацией в обществе и стране в целом. И «лекарство» не может быть локальным.

Стало очевидным, что реальное изменение ситуации может дать самоорганизация ученых и преподавателей. На наших глазах в российской науке уже появляются элементы такой самоорганизации. Но пока эти ростки очень слабы. Какой из них сможет вырасти — и сможет ли вообще, покажет будущее.

Начать необходимо с выработки и представления на широкое обсуждение в обществе конкретных предложений по выходу из кризиса. Нужно обсуждать проблемы науки и образования на всех площадках, используя все возможности. Обсуждать с коллегами, в прессе, в социальных сетях. Бить в колокола. Писать петиции. Обращаться ко всем политическим партиям, ко всем кандидатам в президенты, в депутаты и т. п. Требовать от них определить свою позицию по отношению к судьбам науки и образования. Политический выбор — личное дело каждого гражданина. Но невозможно и безнравственно члену преподавательского сообщества поддерживать тех, кто так и не понял, что в XXI веке для будущего страны образование и наука не менее важны, чем армия и спецслужбы.

Что делать?

Приведу далее некоторые предложения по выходу из кризиса, отнюдь не претендуя на оригинальность.

Повышение окладов (именно окладов без учета всяческих надбавок) ключевых фигур в образовании — преподавателей, для начала — хотя бы до среднего по региону. Установление максимального повышающего коэффициента для чиновников всех рангов.

Мониторинг реальных зарплат ассистентов, доцентов, чиновников от науки.

Ликвидация «бумажного гнета» и мелочного регулирования деятельности преподавателей. Повышение самостоятельности университетов в вопросах самоуправления. Снижение нормативов по количе-

ству студентов на одного преподавателя. Снижение нормы часов на ставку.

Ограничение размеров чиновничьего аппарата.

Стимулирование корпораций и предприятий, вкладывающих средства в образование.

Стимулирование возникновения частных университетов (вместо их удушения).

И самое главное — увеличение доли ВВП страны, идущей на образование.

Конечно же, нужны меры и для повышения мотивации студентов, и для существенного повышения уровня магистратуры, и для реального улучшения международного и межвузовского сотрудничества. Необходимо возрождение специалитета наряду с магистратурой. При этом число магистрантов и аспирантов явно нуждается в сокращении при существенном повышении требовательности к их «качеству». Стоит обратить внимание на опыт других стран по предоставлению возможности для студентов прервать обучение на срок до года, чтобы работать на ведущих предприятиях на специальных «студенческих местах», с возможностью впоследствии продолжить учебу.

*Кац Борис Арнольдович — канд. техн. наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета.
E-mail: b-katz@yandex.ru*

Еще один источник надежды на перемены — это реальные потребности промышленности, бизнеса и общества в целом. Пока есть только одиночные удачные примеры сотрудничества бизнеса с университетами. Остается ждать, когда главная птица России — жареный петух — доклюется до сознания и политиков, и «капитанов бизнеса», которым должно стать понятно, что качественное образование и качественные специалисты нужны даже не для того, чтобы кого-то обгонять, а просто для того, чтобы не отстать безнадежно.

Список литературы

1. Афанасьева В. Пять признаков тяжелой болезни российского образования. Новые известия. <https://newizv.ru/article/general/10-04-2017>.
2. Кац Б.А. Заметки о высшем образовании // ТПА. 2017. №5.
3. Скоморохов Р. Самая жуткая военная тайна России. Военное обозрение. 2016. <https://topwar.ru>
4. Бляхер М. Гиперрегулирование в системе высшего образования // Отечественные записки, 2013. №4.
5. Овчинников М. Заметки о высшем образовании // Троицкий вариант. № 119, с.5. <http://trv-science.ru>

Прикладная наука, где ты? Ау!

Л.М. Яковис (СПбГПУ)

Анализируются факторы, препятствующие применению разработок прикладной отечественной науки в области промышленной автоматизации. Выявляются встречные тенденции, способствующие усилению роли отечественных наукоемких разработок в перспективе. Предлагаются меры, способные ускорить решение проблемы использования результатов прикладных научных разработок на практике.

Ключевые слова: прикладная наука, промышленная автоматика, фундаментальная наука, отечественные разработки.

Почему не востребована отечественная прикладная наука

В статье [1] правильно проанализированы причины незаинтересованности российских промышленных предприятий в привлечении научных организаций России (институтов РАН и университетов) для прикладных научных исследований и разработок в области автоматизации производства. Ведущие иностранные фирмы предлагают российским промышленным предприятиям готовые апробированные решения, а отечественные фирмы и тем более университеты и академические институты обычно таких решений не имеют. Потенциальный заказчик опасается быть подопытным кроликом и не хочет долго ждать, пока разработчик проведет исследования и опробования своих новых идей на «живом» объекте. К тому же серийное импортное решение, несмотря на дороговизну, может в итоге оказаться дешевле оригинального (но рискованного и долго «вынашиваемого») отечественного.

По тем же причинам, то есть из-за нежелания или невозможности тратить время и деньги на новые, а значит в той или иной мере рискованные, разработки не спешат пользоваться услугами ученых-прикладников и отечественные разработчики систем управления производством.

И наконец, третья категория возможных потребителей отечественной прикладной науки в сфере промышленной автоматизации — инофирмы, имеющие отделения в России. Они являются потребителями отечественных научных кадров, однако используют их не для научных разработок (которые осуществляют в своих зарубежных подразделениях), а для продвижения и сопровождения своих систем на отечественных предприятиях.

Как следствие, имеет место незначительный объем прикладных научных исследований научных организаций России, доведенных до успешной промышленной апробации, и их слабое влияние на создание новых перспективных разработок в области автома-